

В. В. МАЯКОВСКИЙ

СТИХИ

НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА

В. В. МАЯКОВСКИЙ

СТИХИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

МОСКВА — 1964

P2
M39

Тексты печатаются по изданию:
В. Маяковский,
Полное собрание сочинений в тринадцати томах,
Гослитиздат, М. 1955—1961

Вступительная статья
Г. ЧЕРЕМИНА

В качестве иллюстраций использованы
«Окна РОСТА»
Текст и рисунки
В. В. МАЯКОВСКОГО

БЕССМЕРТНЫЕ СТРОКИ

Осенним вечером 1913 года на эстраду только что открывшегося кабаре «Розовый фонарь» вышел высокий широкоплечий молодой человек с красивым волевым лицом. Он мрачно посматривал на собравшуюся шикарную публику.

Среди завсегдатаев литературно-художественных вечеров и эстрадных представлений он уже был известен как начинающий поэт и ярый пропагандист нового течения в искусстве — футуризма. Но почти никто не знал тогда, что за плечами этого человека, почти еще юноши, — суровый опыт подпольной революционной борьбы в рядах партии большевиков, три ареста, пять с половиной месяцев заключения в одиночной камере. Придя в искусство, Маяковский не перестал быть борцом, не утратил жгучей ненависти к миру собственников, угнетателей, «жирных», как назовет он их в своих стихах.

Друзья поэта, футуристы, шумными выступлениями, дерзкими эстрадными выходками старались привлечь к себе внимание публики и печати. Маяковский вместе с ними дразнил буржуазных обывателей — и парадоксальностью суждений, и необычной формой стиха, и своей знаменитой «желтой кофтой». Но если футуристы ограничивались эстетическим «бунтом», то будущего поэта революции с самого начала отличал «пафос социалиста, знающего неизбежность крушения старья» («Я сам»).

На этот раз Маяковский бросил в лицо собравшимся в кабаре прямой вызов:

Через час отсюда в чистый переулок
вытечет по человеку ваш обрюзгший жир, —

читал он ставшее знаменитым «Нате!». Поэт обвинял буржуазное общество в бесчеловечности, в ограниченности мещанского существования, замкнутого в «раковине вещей». Он издевался над людьми, мнящими себя ценителями художественных произведений, но не способными понять подлинного искусства. Резкое обличение попало в цель, вызвав ярость буржуазной публики. «...«Розовый фонарь» закрыли после чтения мной «Через час отсюда»...» — вспоминал впоследствии поэт («Я сам», 1922).

В поэзии Маяковского все более нарастал социальный протест. В то время поэт еще не мог связать свое творчество с революционной политической борьбой, но его стихи пронизаны горячим сочувствием к человеку, угнетенному капиталистическим городом. «...люди... вы мне всего дороже и ближе», — скажет он позднее в поэме «Облако в штанах». Любовью к людям, тревогой за них проникнуты замечательные лирические строки: «Послушайте! Ведь если звезды зажигают — значит — это кому-нибудь нужно?..»

Поэт-гуманист не мог остаться безучастным перед лицом всемирной кровавой трагедии — начавшейся в 1914 году первой мировой империалистической войны. Стихотворение «Война объявлена», открывающее серию антивоенных произведений Маяковского, прозвучало истинно «человечьим» голосом «среди воя, среди визга», который раздавался со страниц газет и журналов, заполнявшихся шовинистическими литературными изделиями. Произведения, содержавшие антивоенные призывы, порой подвергались цензурным преследованиям (так, была запрещена поэма Маяковского «Война и мир»). Поэт использовал различные литературные жанры и формы для осуждения войны. В стихотворении «Военно-морская любовь» эта идея облечена в шутливую форму, соответствующую характеру издания, где было помещено стихотворение, — журнала «Новый сатирик».

В этом журнале, в котором Маяковский начал сотрудничать в 1915 году, он опубликовал цикл сатирических «гимнов». Обычно гимны — произведения восхваляющие, торжественные. «Гимны» Маяковского, сохраняющие некоторые формальные особенности этого жанра, преследовали прямо противоположную цель: осмеяние, разоблачение. В этих произведениях поэт бичует буржуазию и ее прислужников: буржуазную науку, юстицию, печать и т. п. Каждый, кто читал «Гимн судье», конечно же, понимал, что здесь имеется в виду царская Россия с ее «кандалным звоном», судебным и полицейским произволом. Но формально придаться было не к чему: ведь это — «смешное» стихотворение, в котором речь идет «о родине Перу», фигурируют ананасы, баобабы, колибри и прочая экзотика...

С каждым годом крепнул талант Маяковского, росло его поэтическое мастерство. Все более одиноким чувствовал он себя в буржуазно-интеллигентской среде, в этом узком мирке, куда привело его сотрудничество с футуристами. «Тоскою к людям ведомый», поэт направляется «в кинематографы, в трактиры, в кафе». Он жаждет встретить новых, «красивых» людей, а видит лишь «образины» объедающихся хозяев жизни. Чувства поэта выливаются в отчаянный крик: «Надоело» — заглавие одного из стихотворений 1916 года. Маяковскому становится особенно ненавистной тогдашняя социальная действительность, он задыхается в этой душной атмосфере («Прокисший воздух плесенью веет...»). От «тысячедневных мук» поэта могла избавить только революция.

Шквал революционной бури Маяковский встретил с восторгом. Находясь в Военно-автомобильной школе (где он служил после мобилизации в царскую армию), поэт непосредственно участвовал в Февральском перевороте: «Пошел с автомобилями к Думе... Принял на несколько дней команду Автошколой» («Я сам»). После свержения царизма ему, как и очень многим тогда, казалось, что уже наступила пора претворения в жизнь идей социализма: «...днесь небывалой сбывается былью социалистов великая ересь!» («Революция. Поэтохроника», 17 апреля 1917 г.). События последующих месяцев рассеяли эти иллюзии...

И вот наступил долгожданный день, который поэт назвал «ярчайшим» в своей жизни. Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории человечества, явилась для Маяковского, как и для всей многомиллионной массы трудящихся, осуществлением самой заветной мечты. «Моя революция», — сказал о ней поэт. В Октябрьские дни он был в штабе революции — Смольном: «Работал. Все, что приходилось» («Я сам»); «Мы уже 25-го октября стали в работу» («За что борется Леф?»). Но, по существу, эта работа была начата поэтом еще ранее.

Когда под звуки революционных песен отряды составших шли на штурм Зимнего, бойцы напевали и полюбоившуюся им частушку:

Ешь ананасы, рябчиков жуй,
день твой последний приходит, буржуй.

Автором этих строк был Маяковский. Их «усыновила петербургская улица», и потому они стали его «любимейшим стихом» («Как делать стихи?», «Только не воспоминания...»).

Главным в творчестве поэта стала новая революционная действительность.

...Декабрьской ночью 1918 года зал в казармах бывшего гвардейского флотского экипажа, приспособленный под матросский клуб, заполнили военные моряки, направлявшиеся на колчаковский фронт. Над бушлатами, бескозырками, стволами винтовок высилась фигура поэта, бросавшего в затаившую дыхание толпу пламенные строки. Маяковский читал революционным матросам специально написанный для них «Левый марш»:

Пусть бандой окружают нанятой,
стальной изливаются леевой, —
России не быть под Антантой.
Левой!
Левой!
Левой!

«Это был, — пишет очевидец, балтийский моряк, — потрясающий сердца призыв к боям, атакам за власть Советов, за социализм, за коммунизм... Го-

лос поэта захлестнуло штормом оваций. Зал ревел и бушевал. Матросы окружили поэта тесной толпой, жали ему руки, бурно выражая свой восторг»¹. Это не выложенные «ценители искусства», а своя, *народная* аудитория, которой так не хватало Маяковскому в дореволюционные годы. Одиночество ушло в прошлое. Поэт был с народом, которому отдавал отныне весь свой могучий талант, все свое мастерство.

В первые послеоктябрьские годы некоторым произведениям Маяковского была свойственна связанная с футуризмом нарочитая усложненность поэтической формы. Как известно, В. И. Ленин отрицательно отнесся к поэме «150 000 000», в которой наиболее явно сказались футуристические увлечения поэта.

Но важнейшей чертой творчества Маяковского была верная политическая направленность. Именно эту черту отметил В. И. Ленин в своем отзыве о стихотворении «Прозаседавшиеся». Владимир Ильич сказал в своей речи 6 марта 1922 года «О международном и внутреннем положении Советской республики»: «Вчера я случайно прочитал в «Известиях» стихотворение Маяковского на политическую тему. Я не принадлежу к поклонникам его поэтического таланта, хотя вполне признаю свою некомпетентность в этой области. Но давно я не испытывал такого удовольствия, с точки зрения политической и административной... Не знаю, как насчет поэзии, а насчет политики ручаюсь, что это совершенно правильно...»². Одобрительный отзыв В. И. Ленина явился огромным событием в жизни поэта.

Стремясь непосредственно служить делу революции, Маяковский в первые послеоктябрьские годы обратился к самым массовым, самым доходчивым жанрам. Агитационные стихи, реклама, плакаты заняли в его творчестве значительное место. Маяковский действительно стремился отдать народу «всю свою звонкую силу поэта».

На обложке этого сборника — один из рисунков, сделанных Маяковским для знаменитых «Окон РОСТА» (Российского телеграфного агентства). Эти

¹ И. Амурский, Напутствие поэта. — Газ. «Литература и жизнь», М. 1961, № 132, 6 ноября.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 45, стр. 13.

плакаты выпускались вручную группой литераторов и художников в годы гражданской войны и разрухи, восполняя нехватку газет. Дни и ночи работал Маяковский (и как поэт и как художник), чтобы трудящиеся столицы своевременно узнавали об очередных декретах Советской власти, о важнейших событиях, чтобы «телеграфное известие о фронтовой победе через сорок минут — час уже висело по улице красочным плакатом» («Прошу слова...»). Надписи к таким плакатам могли бы составить, по образному выражению поэта, его «второе собрание сочинений».

В эти же годы Маяковский создает ряд выдающихся поэтических произведений, посвященных Великому Октябрю, героическим подвигам нашего народа.

Одним из первых в советской поэзии Маяковский обращается к образу Ленина. Произведения поэта на эту ответственной тему, начиная со стихотворения, написанного к пятидесятилетию со дня рождения вождя («Владимир Ильич!»), проникнуты ощущением нерушимой связи Ленина с партией, советским народом, трудящимися всего мира. Эта идея получила особенно яркое художественное воплощение в знаменитой поэме «Владимир Ильич Ленин» (1924), которую автор посвятил Российской коммунистической партии. Показателен уже самый подход Маяковского к воссозданию великого образа. Решительно отвергая несостоятельные попытки изобразить вождя революции в виде властелина или пророка, поэт восклицает:

Если б
 был он
 царствен и божествен,
я б
 от ярости
 себя не поберег,
я бы
 стал бы
 в перекоре шествий,
поклонениям
 и толпам поперек.

Но в том-то и дело, говорит Маяковский, что Ленин, который «за всех смог направлять потоки яв-

лений», был вместе с тем и «самым человеческим человеком», с которым можно беседовать «не по службе, а по душе», бесконечно дорогим каждому трудящемуся. Когда в 1923 году Владимир Ильич тяжело заболел, тревогой за него была охвачена вся страна. Мысли и чувства советских людей прекрасно передал Маяковский в стихотворении «Мы не верим!». Оно публиковалось тогда во многих газетах — вместе с правительственными бюллетенями о состоянии здоровья В. И. Ленина.

В произведениях Маяковского с огромной силой выражена идея бессмертия ленинского дела:

И смерти
 коснуться его
 не посметь,
стоит
 у грядущего в смете!
Внимают
 юноши
 строфам про смерть,
а сердцем слышат:
 бессмертье.

(«По городам Союза»)

Этой теме посвящено стихотворение «Комсомольская», в котором борьба и труд «юной армии ленинцев» раскрываются как претворение в жизнь ленинских идей. Очень интересна художественная форма этого произведения, свидетельствующая о прямо-таки виртуозном поэтическом мастерстве Маяковского. Замечательные строки:

Ленин —
 жил,
Ленин —
 жив,
Ленин —
 будет жить, —

являются своеобразным рефреном (припевом). Многократно повторяясь, они каждый раз связываются

(посредством рифм) с другими — как бы развивающими и дополняющими их содержание.

Важные особенности поэзии Маяковского: установка на разговорный характер стиха, а отсюда — тяготение к соответствующим жанрам (ораторская речь, беседа, рассказ, призыв и т. п.). Это видно уже из заголовков многих произведений: «Разговор...», «Моя речь...», «Рассказ...» и др.

Из таких произведений следует особо отметить «Разговор с товарищем Лениным». Созданное в пору творческой зрелости Маяковского, расцвета его таланта, это стихотворение принадлежит к числу наиболее выдающихся. Сюжет его, как это обычно бывало у Маяковского, возник непосредственно из жизни, из окружающей обстановки. В рабочем кабинете поэта (на Лубянском проезде) над письменным столом висела фотография В. И. Ленина; Владимир Ильич запечатлен на ней в момент речи перед красными отрядами, отправляющимися на польский фронт. И строки: «Двое в комнате. Я и Ленин — фотографией на белой стене», — развернулись в стихотворение;¹ в нем выражены заветные мысли и чувства поэта, которые ему так хотелось бы поведать Ленину. «Радостью высвечен», он рассказывает вождю о начавшихся социалистических преобразованиях в Советской стране, о грандиозной работе, которая «будет сделана и делается уже»; поэт говорит и о тех, кто мешает строить новую жизнь: «...целая лента типов тянется...» Утверждение нового и борьба с пережитками прошлого — две взаимосвязанные стороны в поэзии Маяковского. Иногда они совмещаются (как в данном случае) в пределах одного стихотворения, иногда выступают раздельно: в произведениях пафосно-лирических и сатирических. Но и в том и в другом случае с предельной ясностью определена позиция самого автора — глубоко партийная, исходящая из ленинских жизненных принципов, верность которым так прекрасно выражена в строках «Разговора с товарищем Лениным»:

¹ См. Л. Шолов, Здесь жил Маяковский, изд. «Московский рабочий», М. 1963, стр. 30—31.

...вашим,
товарищ,
сердцем
и именем
думаем,
дышим,
боремся
и живем!..

Моральный облик строителя социализма, коммунизма, черты передового человека нашей эпохи ярко отражены во многих произведениях Маяковского, в частности в стихотворениях, обращенных к советской молодежи, таких, как «Молодая гвардия», «Нашему юношеству», «Секрет молодости». Постоянное стремление вперед, новаторство, жажда знаний, советский патриотизм и интернационализм, готовность достойно заменить отцов в борьбе и работе — вот качества, которые утверждает поэт в этих стихотворениях; подлинная молодежь, говорит он, это те,

кто бьется,
чтоб дни труда
были радостны
и легки!

Какого бы вопроса ни касался поэт в своем творчестве — большого политического или узкобытового, — он неизменно выступает пламенным пропагандистом коммунистической идейности. Даже сугубо личной теме Маяковский умел придать широкую общественную значимость. В «Письме товарищу Кострову из Парижа о сущности любви» поэт рассказывает о том, как во время заграничной поездки к нему пришло большое чувство. Казалось бы, какой общественный интерес может представлять объяснение в любви красавице, «в меха и бусы оправленной»? Но любовь поэта выступает как грандиозное, окрыляющее чувство человека нового мира. Вызванное этим чувством,

до звезд
взвивается слово
золоторожденной кометой.

Вдохновенное слово поэта призвано

поднимать,
и вести,
и влечь,
которые глазом ослабли.

Творчество Маяковского достигло наибольшего расцвета в период, когда наш народ приступил к социалистическому строительству. Поэт восторженно приветствовал каждый новый трудовой успех советских людей. Везде он воочию наблюдал появление ростков нового:

Я вижу —
где сор сегодня гнет,
где только земля простая —
на сажень вижу,
из-под нее
коммуны
дома
прорастают.

В поэме «Хорошо!», из которой взяты эти строки, в «Марше ударных бригад» и других стихотворениях Маяковский прославлял начавшуюся великую стройку. Поэт входил в эти новые дома и разделял радость «литейщика Ивана Козырева» и множества других тружеников, от души восклицая с ними: «Очень правильная эта, наша, Советская власть!»

Но особенно радовали Маяковского перемены, происходившие в самих людях. Простые люди, люди труда, став строителями нового общества, преобразались духовно. Мечта поэта о «красивом» человеке, владевшая им до революции, становилась реальностью.

...Ноябрь 1929 года. В гостях у Маяковского Я. П. Хренов, работник только что начавшегося строительства Кузнецкого металлургического комбината. С волнением слушает поэт его рассказ о героическом труде советских людей у подножия Ала-тау. Под впечатлением этого разговора и было написано ставшее широко известным стихотворение «Рассказ

Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка»¹. «Шепот гордый» рабочих, воодушевленных мечтой о «городе-саде», проходит лейтмотивом через все стихотворение. Самые смелые планы становятся реальностью,

когда
такие люди
в стране
в Советской
есть!

Прославляя борцов и строителей нового мира, Маяковский с первых послеоктябрьских лет вел непримиримую борьбу против всевозможной обывательской «дряни». Не случайно стихотворение под этим заглавием следует у него сразу же за взволнованным рассказом о беспримерном подвиге «краснозвездного героя», взявшего Перекоп («Последняя страничка гражданской войны»). Хотя разгромлен Врангель, но еще существует и действует опасный враг революции — «обывательский быт». Против этого врага — многоликого мещанства, активизировавшегося в годы нэпа, — поэт и направил в первую очередь разящее оружие своей сатиры.

Сатирические произведения Маяковского отличаются боевым, наступательным характером:

Мы всех зовем,
чтоб в лоб,
а не пятясь,
критика
дрянь
косила

Стихотворения «Столп» (откуда взяты эти строки), «Подлиза» и ряд других составили целую серию обобщающих сатирических портретов различных «типов»: зажимщиков критики, бюрократов, подхалимов, скопидомов, трусов, сплетников и т. п. Маяковский неустанно бичевал своим стихом пережитки прошлого («всё, что в нас ушедшим рабым вбито»), остро высмеивал недостатки, используя бо-

¹ См. Б. Ч е л ы ш е в, История одного стихотворения Владимира Маяковского. — Журн. «Сибирские огни», 1963, № 7.

гательший арсенал художественных средств: от мягкого юмора до гневного сарказма. Но хотя вокруг и было «много разной дряни и ерунды», она никогда не заслоняла у поэта *главного* в нашей действительности. А главное в нас — говорил он —

...это — наша

Страна Советов,

советская воля,

советское знамя,

советское солнце.

(«Мы»)

С особенной силой Маяковский ощущал это во время своих заграничных поездок. «Полпред стиха», он был пламенным пропагандистом советского образа жизни, самых передовых идей современности, и с этой партийной точки зрения оценивал капиталистические порядки. За красивым фасадом, за рекламной шумихой, за блестящей мишурой буржуазного быта он всегда видел подлинную жизнь Запада с ее глубокими социальными противоречиями, с чудовищной эксплуатацией, безработицей и нищетой трудящихся масс.

Высоко ценя культуру и цивилизацию зарубежных стран, увлекаясь французским искусством, живописью, поэт всегда подчеркивал, что именно народ является творцом всех материальных и духовных ценностей. Любуясь красотой Парижа, Маяковский не забывал спросить его: «... на скольких костях твоя покоится роскошь?» Он «в восторге от Нью-Йорка города», от его небоскребов, от Бродвея, залитого светом бесчисленных ламп («Я в долгу перед Бродвейской лампией», — скажет позднее поэт). Но владыкой и этих чудес техники является капитал. Маяковский находит выразительный художественный образ: Бродвей — лишь сияющая «порфира», надев которую выступает «капитал — его преподобие». И поэт бросает свой гневный вызов эксплуататорскому строю, миру стяжателей, его «законам, вкусу».

Побывав — на пути в США — в Гаване, Маяковский обратил внимание на здания сахарных, табачных и других американских компаний: «...американ-